

УДК 330.111.62

**МЕСТО ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ
В СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ**

Е.Н. Соболева

Томский политехнический университет

E-mail: soboleva88@tpu.ru

Соболева Екатерина Николаевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ.
E-mail: soboleva88@tpu.ru
Область научных интересов: институционализм, отношения собственности, смешанная экономика.

Установлено, что современные хозяйства, будучи результатом сложных коллективных взаимодействий, относятся к смешанному типу экономических систем. Показано место собственности в институциональной структуре экономики.

Ключевые слова:

Собственность, институты, смешанная экономика.

Последняя четверть XX в. вновь сделала актуальным вопрос о траектории развития экономических систем. С одной стороны, индустриальный тип хозяйствования подходит к границе своего развития: массовое освоение новых технологий, поднявшее коммуникации между странами на качественно новый уровень, потребовало изменений как в качестве используемых ресурсов (залог конкурентоспособности современных экономик – в развитии наукоемких производств), так и в экономических организациях.

В основе типологии экономических систем лежат, как правило, два критерия: собственность на средства производства и способ координации и управления экономической деятельностью. А. Лапинкас настаивает на ведущей роли именно второго критерия: «переход от одной экономической модели... к другой, – пишет он, – не всегда предваряется трансформацией отношений собственности, но при этом во всех случаях меняется система органов управления народным хозяйством и "правила" их взаимодействия с рядовыми элементами системы» [1. С. 21]. Мы же, напротив, хотим показать, что изменение механизмов координации деятельности хозяйствующих субъектов детерминировано глубинными трансформациями их взаимоотношений, и в первую очередь, отношений собственности, определяющими характер производственного процесса, в чьих интересах он осуществляется.

Господствующее в экономической науке неоклассическое направление, предполагающее, что «вначале был рынок», не позволяет анализировать процессы развития общественных систем. Попытки выйти из кризиса и ввести в анализ институты не дают желаемого эффекта: проблема выбора институтов с точки зрения их эффективности замыкает круг – если общество делает выбор, то, кто «выбрал» рынок, который был в начале начал?

Основной акцент в критике *mainstream*'а сделан на внеисторическом подходе данного направления к анализу экономической системы. Кроме того, статические модели, которые предполагают заданным набор параметров (потребительские предпочтения, технологии производства и социальные институты), по сути дела, игнорируют очевидное влияние исторического развития на развитие экономической системы (и общества, в целом). Следование методологическому индивидуализму в данном случае сужает проблему – ведь общество сложно представить как простую сумму абсолютно рационально действующих «экономических людей». Более того, рынок (как сфера обмена) может существовать, только если товар/благо, предназначенное для обмена, было произведено. Таким образом, экономическую систему невозможно свести к механизму обмена [2].

Поэтому целесообразным видится использование методов диалектики для анализа социоэкономической сферы. Как наука о наиболее общих законах мышления диалектика находит широкое применение в трудах ученых, занимающихся исследованием общественных систем. Причем, как отмечает М. Сеттерфилд, диалектические методы присущи не только исследованиям К. Маркса, но и, например, Д.М. Кейнса. Это связано с тем, что, *во-первых*, диалектика

построена на принципе холизма, т. е. социальные системы рассматриваются как сложные образования, состоящие из кластеров внутренних отношений между элементами, которые придают системе её уникальные свойства, и рассмотрение отдельных элементов (например, работников или фирмы) вне общественного контекста бессмысленно.

Второй существенной стороной диалектического метода является исследование социальных систем в движении, которое осуществляется под действием эндогенных факторов, а не внешних возмущений статичного объекта. «Таким образом, – пишет М. Сеттерфилд, – это приводит нас к пониманию общества, организованного на исторически определенных общественных соглашениях, а не универсальных законах поведения» [3. Р. 361].

Современные общества представляют результат сложных коллективных взаимодействий, поэтому перспектива дальнейшего экономического развития тесно связана с развитием отдельного человека, но не как атомизированного хозяйствующего субъекта, а как части общества [4]. Это вызвано, как отмечает И.Р. Пригожин, тем, что «... в малых колониях сложность локализована на индивидах, в то время как в крупных во все большей степени – на уровне интеракций между индивидами» [5. С. 25].

Источником развития общественных систем, в целом, и экономической системы, в частности, служит новая информация, объем которой постоянно возрастает в результате интенсивного взаимодействия между отдельными группами индивидов, что оказывает обратное влияние на внешнюю среду.

Наиболее благоприятного состояния для создания новой информации индивид достигает тогда, когда он свободен в принятии решений, может их варьировать. Этому способствует развитие технологий в современном обществе, приводящее к увеличению свободного времени, а также к возрастанию потребностей, в первую очередь, духовных. Соответственно, трансформируются конечные цели развития экономической системы, и идеи максимизации выгоды хозяйствующими субъектами с целью приведения системы в равновесие непригодны для анализа развития экономики

Появление сложных конструкций взаимодействия индивидов приводит к тому, что неопределенность становится неотъемлемой чертой современной экономики. Причем она связана не только с ограниченными способностями хозяйствующего субъекта собирать и анализировать информацию (т. е. способности агента ограничены относительно сложности действительности), но и с постоянной изменчивостью самой системы, вызванной деятельностью этих субъектов, появлением новых технологий и т. п. Современные экономические системы могут развиваться только тогда, когда общество генерирует новшества.

В такой ситуации «фундаментальной неопределенности» особую роль начинают играть институты, позволяющие снижать неопределенность, риски оппортунистического поведения в условиях многочисленных транзакций между незнакомыми экономическими агентами [6].

Так, поведение индивида может совпадать с интересами общества, быть нейтральным по отношению к ним и находиться в противоречии с ними. В этом состоит существенный элемент неопределенности: система может по-разному реагировать на поведение хозяйствующего субъекта. Некоторые из возмущений, созданных им, будут погашены механизмами существующего хозяйственного порядка, другие останутся в рамках системы и приведут к трансформации институциональной среды.

Нормально действующие институты выполняют ряд функций: *во-первых*, они обеспечивают сбалансированное и эффективное функционирование всех сфер общественной жизни, координируя деятельность отдельных субъектов в интересах всего общества; *во-вторых*, институты обеспечивают адаптацию общества к изменяющимся условиям существования; *в-третьих*, они должны стимулировать появление новых форм взаимодействия между членами общества, его инновационную деятельность; и, *в-четвертых*, институты обеспечивают непрерывность исторического развития, формируя устойчивые связи между различными поколениями [7, 8].

Поэтому невозможно согласиться с утверждением Р. Раджана и Л. Зингалеса, что институт собственности не может существовать в системах, где высока неопределенность [9]. Но даже если абстрагироваться от того факта, что в системах с высоким уровнем нестабильности также присутствуют механизмы контроля за соблюдением прав, то такой подход существенно

снижает ценность собственности как экономической категории. Вернее всего, в таких условиях теорема Коуза не работает, а отнюдь не теряет смысл собственность. Связаны подобные «заблуждения», на наш взгляд, с трактовкой собственности лишь как права или связки правомочий, тогда как политэкономический подход дает более широкие возможности в анализе отношений собственности внутри фирмы. Институт собственности как часть институциональной структуры экономики позволяет снизить неопределенность, задавая определенные образцы действий хозяйствующих субъектов.

Смысл институтов, согласно Дж. Серлю, состоит в том, что они не ограничивают действия человека, но создают «независимые от желаний причины для действия» [10. Р. 7]. С одной стороны, они предоставляют информацию о возможных действиях других людей, с другой, – формируют поведение самого агента, влияя на его восприятие окружающей действительности. Когда индивид осознает себя частью группы и разделяет её ценности, они перестают быть для него ограничениями в деятельности. Изначально правила поведения выступают как ограничители хозяйственной деятельности, но превращаясь в институты, поддержанные большей частью членов общества, они перестают восприниматься как жесткие рамки и начинают содействовать производству новой информации.

Структура собственности как социально-экономического явления представлена в нескольких уровнях: в основе лежат объекты собственности и отношения, возникающие в процессе вовлечения этих объектов в воспроизводственный процесс, – это сердце воспроизводственного процесса (единого в производстве, распределении, обмене и потреблении благ). Появление собственности как общественного института связано с человеческими потребностями, причем со всем их комплексом – от физических до духовных. Власть человека над частью предметного мира определяет его статус, общественное положение. Собственность является мощным источником мотивации человеческой деятельности, а, значит, отношения собственности будут определять способ соединения собственников средств производства и рабочей силы, задавая характер производственных отношений и параметры обмена. Они же определяют, в каких пропорциях и кем будет присваиваться и потребляться созданный продукт.

На втором уровне статус ведущего субъекта собственности закрепляется в её форме. Здесь закладываются нормы права, морально-этические и другие нормы и правила поведения хозяйствующих субъектов в процессе присвоения. Однако экономический смысл собственности состоит не только в присвоении результатов производственного процесса, но и его условий. Необходимо особо подчеркнуть, что экономической нормой является приоритет производства над присвоением, именно участие собственника в организации производства создает объективные основания для присвоения созданного продукта. Собственность предполагает ответственность перед обществом за реализацию тех или иных объектов, т. е. несение бремени собственности. Следовательно, собственность является сферой согласования интересов отдельных хозяйствующих субъектов и общества в целом.

Третий уровень включает многообразные институционализированные формы реализации собственности, каждой из которых соответствует свой набор правил поведения – прав собственности. Введение в анализ пучка правомочий позволяет описывать сложные варианты принятия решений в современной экономике, где в отношении одного и того же объекта собственности могут пересекаться интересы нескольких субъектов.

Происхождение институтов связано с человеческими отношениями, в этом смысле любой экономический институт субъективен: в основе института лежат отношения между хозяйствующими субъектами, которые затем выходят за рамки конкретных взаимодействий и начинают существовать как объективная реальность, что, в свою очередь, оказывает обратное влияние на отношения между экономическими агентами – формирует их поведение.

Для существования института собственности важно, *во-первых*, общественное признание статуса собственника и, *во-вторых*, следующее из первого признание за ним определенных прав в отношении объектов его собственности. При этом следует иметь в виду, что конфигурация «пучка правомочий» определяется конкретными историческими условиями. Например, развитие в Англии аренды привело к расщеплению правомочий собственника, в отличие от абсолютного права частной собственности в континентальной Европе.

Аналогично, попытки заимствовать «импортные» институты в ходе российских реформ не дали желаемых результатов, т. к. нормы и правила поведения безжизненны и не несут экономического смысла, если они не поддержаны реально существующими отношениями между хозяйствующими субъектами. Спецификация прав собственности, на которой настаивали и настаивают российские реформаторы, не привела за полтора десятилетия к росту эффективности функционирования института собственности в России, потому что создание и совершенствование механизмов контроля за исполнением прав собственности требуют соответствующего общественного контекста – признания норм права и готовности следовать им большинством хозяйствующих субъектов

Многие исследователи, характеризуя смешанную экономику, отмечают, что её отличительной чертой является многообразие форм собственности, но, на наш взгляд, смешанная экономика предполагает многообразие форм её реализации.

Собственность закрепляет ту или иную социальную роль работника в процессе труда. Так, становление и развитие капиталистической экономики привело к изменению социальной роли работника и перераспределению функций в процессе производства: «частичный, специализированный для определенной частичной и повторяющейся операции, инструмент мануфактурного рабочего возник вместо ремесленного инструмента работника цехового производства как необходимость и следствие закрепления рабочего за частичной однообразной операцией...» [11. С. 122]

В условиях индустриальной капиталистической системы труд рассматривался как «приложение» к капиталу. К. Маркс утверждал, что продажа работником рабочей силы и сам процесс труда осуществляются в интересах собственника капитала. Труд «оживляет» капитал, способствует производству нового продукта, но работник, продав рабочую силу, отчуждается от процесса производства. Потребительная стоимость труда, состоящая в творческой энергии, приводящей к возрастанию капитала, существует только для капиталиста, для работника существует лишь меновая стоимость, заключающаяся в заранее определенном эквиваленте, необходимом для воспроизводства рабочей силы, но никак не право на создаваемый работником прибавочный продукт. Рабочая сила противостоит наемному работнику, становится чуждой ему [12].

К началу нового тысячелетия характер труда вновь меняется. Современный работник не может однозначно выделить продукт собственного труда, т. к. уровень специализации необычайно глубок. Труд отдельного работника имеет смысл только в кооперации с другими. Следовательно, только общий труд становится основанием для развития отношений собственности в смешанной экономике.

Таким образом, реализация собственности в смешанной экономике означает соотнесение интересов отдельного собственника с целями общества, т. к. творческое общество, организованное на основе добровольного объединения людей, предполагает использование частных по форме ресурсов для достижения общих целей [13]. Речь не идет о формировании исключительно общей собственности. Идея заключается в том, что все ресурсы, все национальное богатство должно быть направлено на достижение конечной цели общественного развития – реализацию творческого потенциала личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лапинкас А.А. Типы и особенности функционирования экономических систем (Системно-функциональный подход к исследованию хозяйственных организаций). – СПб.: НИИ химии Санкт-Петербургс. Ун-та, 2001. – 380 с.
2. Ankarloo D., Palermo G. Anti-Williamson: a Marxian critique of New Institutional Economics // Cambridge Journal of Economics. – 2004. – V. 28. – P. 413–429.
3. Setterfield M. Keynes's dialectic? // Cambridge Journal of Economics. – 2003. – V. 27. – P. 359–376.
4. Panic` M. Does Europe need neoliberal reforms? // Cambridge Journal of Economics. – 2007. – V. 31. – P. 145–169.
5. Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологич. исследования (СОЦИС). – 2008. – № 1. – С. 24–27.

6. Лал Д. Непреднамеренные последствия. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 342 с.
7. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 3. – С. 5–16.
8. Dequech D. Uncertainty: individuals, institutions and technology // *Cambridge Journal of Economics*. – 2004. – V. 28. – P. 365–378.
9. Rajan R.G., Zingales L. Power in a Theory of the Firm // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1998. – V. 113. – № 2. – P. 387–432.
10. Searle J.R. What is an institution? // *Journal of Institutional Economics*. – 2005. – V. 1. – № 1. – P. 1–22.
11. Кузнецова А.П. Социальные механизмы собственности // *Собственность в XX столетии*. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 118–132.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. / 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1963. – 618 с.
13. Виноградов В.А. Новая экономика: логика социальных реформ и экономия времени общества. – М.: Наука, 2005. – 208 с.

Поступила 30.06.2012 г.